

РАЗДЕЛ I

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

УДК 821.161.1.09"17"-14

А. Н. Пашкуров

Казанский (Приволжский) федеральный университет
anp.72@mail.ru

НРАВСТВЕННЫЕ УРОКИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ XVIII ВЕКА

В настоящей статье, в контексте проблемы функций литературной культуры, рассматривается своеобразие идейно-нравственной позиции отечественной литературы от начала XVIII к началу XIX столетия. Центральное внимание уделяется концептам Добродетели и Долга как ведущим в национальной доктрине России этой эпохи.

Ключевые слова: литературная культура, мнемотехническая и аксиологическая функции, идеал Добродетели, концепт Долга, нравственные ценности.

A. N. Pashkurov

Kazan (Volga Region) Federal University
anp.72@mail.ru

MORAL LESSONS OF RUSSIAN LITERATURE OF THE 18TH CENTURY

The article deals with singularity of ideological and moral attitude of Russian Literature from the early 18th century till the early 19th century within the context of problem of functions of literary culture. Attention is paid to concept of Virtue and Debt as main concepts in national doctrine of that period's Russia.

Keywords: literary culture, mnemotechnical and axiological functions, Ideal of Virtue, Concept of Debt, moral values.

К началу XXI столетия в современном гуманитарном знании очень востребованным становится вопрос о стратегиях культуры в контексте процессов глобализации (3). Такой подход дает ученым возможность говорить о феномене так называемых «мета-надстроек» в системе культуры (в частности, на примере понятия «мета-художественности» – см. интересную гипотезу Н.К. Гея: о соотношении «знаково-понятийных» и «эволюционно прирастающих» значений (13, 96–99).

Другая вариация видения проблемы динамики духовно-культурной составляющей представлена научными гипотезами о переходности как стратегии культуры. Так, известная исследовательница Р. Лахманн пишет о циклическом развитии культуры и связывает явление «перехода / переходности» со стадией смены циклов и общими закономерностями мнемотехнических процессов в культуре (16).

Процессы глобализации придают новый характер переходности. Все увереннее звучат гипотезы ученых-гуманитариев о возникновении и последующих модификациях «предсистем» в культуре, в которых те или иные художественные принципы реализуются пока еще не в полном качестве, а в форме определенных «тенденций» (подробнее – см.: (9, 96–103)).

В эпицентре этих процессов и тенденций и находится многоуровневое явление литературной культуры.

Питают эволюцию литературной культуры, в первую очередь, те изменения, которые происходят в истории, философии, эстетике и этике.

Комплекс факторов литературной культуры формирует художественное поле культуры (литературное пространство), а затем оказывает все более глубоко проникающее влияние и на само искусство слова – словесность, в том числе – и на поэтику конкретных локальных литературных произведений.

Важно иметь в виду, что в общей структуре литературной культуры константно переплетены внешние и внутренние влияния. Внешние влияния, в свою очередь, могут быть представлены, к примеру, в планах: пространственно-географическом (влияния иных национальных культур на исследуемую – к примеру, на материале постмодерна интересны наблюдения Ж-Ф. Лиотара: (18)); междисциплинарном (одним из характерных жанров синкретичной природы является русская ода начала Нового времени: (2)). Внутренние влияния в системе литературной культуры складываются в диалектике взаимодействия приоритетов писательской среды и предпочтений читательской публики (20).

Наиболее важными функциями литературной культуры выступают мнемотическая и аксиологическая.

Мнемотическая функция литературной культуры связана с явлением накопления, сохранения и модификации культурно-исторической памяти. В свою очередь, вариации мнемотической роли литературной культуры могут быть различны, в зависимости от той области, на которую они направлены / ориентированы.

Соответственно, современные ученые говорят о:

а) концептах национальной идентичности в более обширном, общеродовом феномене так называемых «национальных мифов» (17);

б) тенденциях национальных само-сознания и само-утверждения (19);

в) явлениях «коллективной ретро-памяти» и общей «культуре воспоминания / припоминания» (15). Характерен кризис этой составляющей в периоды переходные, особенно – на «сломе» веков (например, так происходит в философской лирике – см.: (14)).

Бесспорно главенствующую позицию занимает *этико-аксиологическая функция* литературной культуры, связанная напрямую с закономерностями обратного / ответного воздействия словесной культуры и всего, с нею соотносящегося, на общество, на цивилизацию. В современных неоднозначных условиях интеграции и глобализации, именно на этом уровне намечается тенденция тому, что литературная культура приближается к своеобразной роли «учителя», которому предстоит решить стремительно возникающие проблемы. Интересно, что в известной тартуской семиотической школе это почувствовали одними из первых, когда на эту тему был проведено специальное обсуждение-форум (8).

Именно этой, во многом – итоговой, функцией литературной культуры объяснима все более возрастающая актуальность и распространенность аксиологического подхода в культуре и науке (1). Одной из отправных точек, как правило, выступает интерпретация предшествующих пластов литературной культуры, воспринимаемых как классические – то есть: и проверенные временем и универсальные в плане возможности соотнесения с современностью.

Базисом аксиологической функции литературной культуры является понятие ценности. Именно ценность / ценности предстают как самые надежные и достоверные ориентиры – «вешки» в процессе выявления общего смысла мира.

Русская литературная культура XVIII века находится на показательном «стыке», на гребне встречи двух различных эпох, что сразу стимулировало и стимулирует поныне исследователей к динамике различных концепций.

Наряду с анализом этой эпохи «по персоналиям» деятелей литературы и культуры или взглядом на русскую словесность XVIII века и ее окружение – через систему определенного литературного направления, сложилась в науке и третья позиция рассмотрения. Ее специфика – во взгляде на отечественную литературно-историческую ситуацию XVIII – начала XIX веков как на поле взаимодействия различных национальных идей и доктрин. К примеру, А. Курилов предлагает исследовать русскую литературу XVIII века и ее мировое значение через соотношение начал «поэзии праздника» и «прозы обыденного» (7). А. Петров сосредоточил центральное исследовательское внимание на проблеме становления художественного

историзма в одноименной монографии (17). Т. Воронин рассматривает историю отечественной словесности XVIII века в диалоге с философией русского Православия (4).

Расхождение, пестрота и контрастность различных течений и идей в ситуации отечественной словесности XVIII века (каковы, к примеру, противоречивые соотношения религиозного и светского начал – в целом, динамика рассудочного и эмоционального в русском классицизме времени диалога М. Ломоносова и А. Сумарокова) подталкивают литературу, с одной стороны, к кризису. Однако, с другой стороны, при этом существенно возрастает роль цивилизаторского ядра культуры. То, что прежде существовало как теневая база процессов, постепенно выходит на первые планы и выводит историко-литературный процесс на уровни нового качества.

Эпицентром отечественной литературной культуры XVIII – начала XIX веков выступает система национальной идеи, цементирующей все в единое целое. Учитывая как внутрилитературные, так и внелитературные факторы, можно говорить о таких двух важнейших понятиях, как Долг и Добродетель. Именно два эти концепта определяют связь и взаимодействие внешнего, государственно-идеологического, и внутреннего, психологического, аспектов в литературной культуре России Нового времени.

Все еще сохраняются традиционные представления, согласно которым первое из понятий, понятие Долга, более присуще периоду первой половины столетия (его канонически именуют «временем классицизма» – см. научно-методологические концепции А. Курилова, Ю. Минералова (6; 10)), в то время как идеология Добродетели – феномен, во многом рожденный спецификой второй половины XVIII века, проходившей под знаком психологической революции сентиментализма-предромантизма, при значительном влиянии философско-этических учений масонства (такое видение проблемы мы встречаем и в классической монографии Н. Кочетковой «Литература русского сентиментализма» (5)).

Действительно, на первый взгляд, прозрачные параллели напрашиваются сами собою. Для панегирической оды Ломоносова или высоких трагедий А. Сумарокова, Долг, в его философско-политическом понимании, – одно из ключевых проявлений Идеала, Абсолюта, «царей и царств земных отрада». В то же время для новой дидактико-психологической лирики М. Хераскова, системы прозы становящегося русского сентиментализма, учения предромантиков о пересоздающем мир Гении – для всех явлений литературной культуры этого спектра очевиден иной эталон: Добродетели, воспетой в одноименной дидактической масонской оде М. Хераскова («О добродетели»). Словами Н. Карамзина, признанного вождя литературного движения России 1780–1810-х годов, Добродетель неразъединимо связана, в отличие от Долга, ориентированного на гармонию мироздания, с представлениями об искуплении дисгармонии, искуплении – через духовное страдание, как в знаменитой «Бедной Лизе»: «Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали...».

Тут-то и кроется диалектическое противоречие, таящее в себе объяснение интенсивного творческого развития словесности России Нового времени. Иными словами, чем дальше расходятся, на первое впечатление, идеологемы Долга и Добродетели, тем в действительности они внутренне и сущностно ближе. Начнем с того, что понятие Добродетели как внутреннего этического стержня преобразования мира на его путях к Гармонии – свободно проявляется еще у М. Ломоносова. Потому и звучат в панегирике Елисавет (ода 1747 года) символические строки: «Душа Ея Зефира тише, И зрак прекраснее рая...».

Неразрывным с таким видением оказывается и философия Долга. Позднепросветительскую ее вариацию мы находим в показательнейшей высокой трагедии второй половины века – у Я. Княжнина в «Вадиме Новгородском»: дочь новгородского посадника объясняет свою любовь к чужеземному спасителю родного Новгорода – как раз «одобродетеленным долгом»: «Не князя в Рурике, я Рурика люблю...». При возрастающей доле просветительского влияния, вырисовывается такая интересная закономерность:

1. Долг может принимать как внешнее, общественное обличье, так и внутреннее, личностное.
2. Второе осознается постепенно как наиболее действенный путь обретения истины первого.
3. Союз внешнего и внутреннего в идеологии Долга и обеспечивает прогресс: как общества, так и личности. От классической русской одописи – к концепциям просветительской журналистики и драматургии середины XVIII века – и к открытиям отечественного просветительского реализма – цепочка и эволюции и преемственности налицо. Все обозначенные нами выше положения находят свое продолжение в известных манифестах Стародума в фонвизинском «Недоросле». Массонство, вторая наряду с Просвещением мощная идеологическая традиция, переводит идеологему Долга во «внешне-внутренний» аспект: следование Долгу перед «архитектором Вселенной» – Богом – непосредственно очищает душу посвященного масона – и вновь возвращает мир к гармонии духовного прогресса, как в одном из известных масонских гимнов: «И наше вздыдет умиление К Тебе, как утрення роса...».

Добродетель как целостная идеология приходит в русской литературной культуре XVIII века к таким итогам:

1. Внутреннее совершенствование человека немислимо без следования общественным идеальным нормам (развитие кодекса древнерусской словесности: от кредо «Словес...» Ф. Прокоповича: «За люди положить душу свою...» – до известной теории «общественного человека» в творчестве А. Радищева, например, в раннем «Дневнике одной недели»).

2. Внутреннее совершенство личности – залог как ее успешного карьерного пути в мире, так и ее высокой гражданственности. «Вы вольны, счастливы – стоною только я...» – к такому кредо добродетели как гражданского самопожертвования приходит княжнинский Рурик. «Прикладное», положительно-корыстное понимание человеческой добродетельности присуще еще «гисториям» самого начала века: в «Гистории о российском кавалере Александре» это проявляется яркими выплесками даже на стилистическом уровне. Как только кто-либо из героев преступает нравственность, обильно заполняют страницы очень неровного стилистически произведения парадоксальная «эстетика блуда» и обширные слои русского мата.

3. Добродетель есть прямейший и вернейший путь к самопознанию. Закономерен призыв М. Ломоносова в одной из поздних од 1750-х годов: «Везде исследуйте всечасно, Что есть велико и прекрасно...».

4. Добродетель в высшем своем проявлении – не что иное, как Гармония и обретение Истины и Бога. В соотнесении с идеей синтеза искусств, мы увидим подобное понимание мира в предромантической оде Н. Львова «Музыка, или Семитония», где это искусство даже «...Несчастливых душу облегчает Отрадной, теплою слезой...».

Как видим, Долг и Добродетель постоянно переплетаются и взаимопроникают в картине мира, создаваемой русской словесностью XVIII века. Их союзом отмечены абсолютно все периоды историко-литературного процесса 1700–1810-х годов. Постскриптумом могут служить прекрасные слова В. Жуковского: «Поэзия есть добродетель...». Есть и более высокая (а в конечном счете, пожалуй, и итоговая) «ступень прочтения». Дело в том, что союз и диалог идеологем Долга и Добродетели приводит, уже в самые первые годы Нового века, к классической утопической теории особого, государственного и личного, Оптимизма, философия которого прекрасно передана еще в этико-бытовом кодексе «Юности честного зерцала»: «...но прямо, а не согнувшись ступать и голову держать прямо ж, а на людей глядеть весело и приятно, с благообразным постоянством...»

Завершающая фаза этого Оптимизма – утверждение решающей роли личности, объединившей Долг и Добродетель, в преобразовании народа, государства и всего мира. Потому и подводит Н. Карамзин в «Рыцаре нашего времени» такой итог: «Тот дворянин, кто за многих один...» (современный филолог А. Петров предлагает говорить применительно к рассмотрению карамзинской эпохи даже о философии и этике особого «исторического чувства» как

стержне литературно-философского менталитета России (11)). Вопрос о месте других под-систем культуры (живопись, архитектура, музыка, этикет и ряд др.) в едином целом культуры срединной требует особого, отдельного и развернутого рассмотрения.

В качестве своеобразного постскриптума наших предварительных размышлений, наметим эскизно ряд безусловно имеющих место быть тенденций.

1. Означенные нами выше под-системы культуры более традиционны и медлительны в процессе идущих изменений. Потому в пособиях начала XVIII века («Приклады, како пишутся комплименты разные», «Юности честное зерцало») и сохраняются весьма активно смыслообразующие «линии» древнерусских произведений такого профиля (прежде всего – «Домостроя»). Точно так же: классицизм определяет официальное лицо русской архитектуры практически на протяжении всего столетия, в то время как в литературе пестрейшим образом трансформируется уже к 1740-м – 1750-м годам.

2. Протекающие в этих подсистемах культуры процессы образуют своеобразное диалектическое «кольцо», при соотношении начала и конца века: для первых лет и первого десятилетия века очень актуальна барочная концепция «храмового синтеза искусств» (здесь: словесности-риторики, (крюковой) музыки, собственно церковной, храмовой, архитектуры, живописи-иконописи – см.: (12)), для конца XVIII и начала XIX века типичны:

а) включение данных других искусств в произведение («Музыка, или Семитония» Н. Львова),

б) синтетическое параллельное освоение авторами-энциклопедистами разных искусств как комплекса (в случае с кружком Н. Львова – Г. Державина: живопись, театр, музыка, с подключением познаний из областей ботаники, минералогии и геологии, пчеловодства и др.).

3. Если в начале XVIII века еще был возможен синкретизм, системность нерасчлененности во взаимоотношениях литературы с другими искусствами (что соответствовало барочной идее познания мира через хаос и пестроту контрастов), то со второй половины процесса (не позднее 1760-х годов) главенствующие позиции занимает уже синтетизм: сознательное «внове-сведение» разных искусств в одну систему при полном понимании и признании их отдельного, самостоятельного характера (здесь ориентиром для писателей становится поэтика предромантизма).

Литература

1. Аксиоанализ как метод исследования художественного произведения. Калининград, 2009.
2. Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.
3. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003.
4. Воронин Т. Л. История русской литературы XVIII столетия. М., 2009.
5. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. СПб., 1994.
6. Курилов А. С. Классицизм в русской литературе: исторические границы и периодизация // Филологические науки. 1996. № 1. С. 12–22.
7. Курилов А. С. О мировом значении русской литературы XVIII века // Русская словесность. 2005. № 8. С. 20–22.
8. Литературный процесс и проблемы литературной культуры: Материалы для обсуждения. Тарту, 1988.
9. Луков Вл. А. Предромантизм: культурное явление и пути его осмысления // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 96–103.
10. Минералов Ю. И. История русской словесности XVIII века. М., 2003.
11. Петров А. В. Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века. Магнитогорск, 2006.
12. Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
13. Теория литературы. Литература / С. А. Небольсин, А. В. , В. В. Кожин, Е. В. Иванова, Е. Н. Лебедев. М., 2005. С. 96–141.
14. Dehne M. Die Legitimation der Lüge in Karamzin's «Ilja Muromec» // Die Welt der Slaven. 2002. Bd. XXVII. S. 107–130.
15. Erll A. Kollektives Gedächtniss und Erinnerungskulturen. Stuttgart, Weimar, 2005.
16. Lachmann R. Gedächtniss und Literatur. Frankfurt-am-Main, 1990.
17. Link J., Wülfing W. Nationale Mythen und Symbole in der zweiten Hälfte des 19 Jahrhunderts. Stuttgart, 1991.
18. Lyotard J.-F. Reponse a l question: Ou est-ce qe le postmoderne? // Ctitique. 1982. № 37 (419). P. 357–367.
19. Nationales Bewusstsein und kollektive Identitat... Frankfurt-am-Main, 1994. Bd. 2. S. 15–45.
20. Text. Literary work. Reader. Prague, 2014.